

К истории русских революций: события, мнения, оценки. Памяти Исаака Израилевича Минца – М.: Собрание, 2007. – С.526-541.

Сидоренко Н.С.

МОНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ НА УРАЛЕ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Первое полуофициальное сообщение о революции в Петрограде появилось на Урале 28 февраля 1917 г. Цензура в соответствии с директивами военного времени не пропускала в печать никаких неугодных для правительства сведений. Полученное сообщение также пытались скрыть от народа с тем, чтобы воспрепятствовать распространению революции. Так, пермский губернатор Лозина-Лозинский только 3 марта заявил о факте падения монархии и призвал население к спокойствию. В Оренбургской губернии монархически настроенные начальник губернского жандармского управления (ГЖУ) полковник А.Г. Кашинцев, начальник гарнизона Оренбурга ген. Д.В. Погорецкий и начальник Оренбургско-Ташкентской железной дороги П.А. Мазуровский при содействии губернатора Т.В. Тюленева стали спешно готовить контрреволюционные силы. Однако эти действия, направленные к сохранению прежней власти, не принесли успеха.

Весть о падении самодержавия быстро распространялась из уст в уста. Улицы Екатеринбурга, Перми, Вятки, Уфы, Оренбурга и других городов и крупных заводских поселков 2 марта были заполнены народом. Революционные массы освобождали политических заключенных. Властям не удалось изолировать от революционной агитации и солдат. На 1 января на Урале находилось 25 пехотных запасных полков, 6 ополченческих дружин и свыше 160 мелких подразделений. Общая численность войск в 40 гарнизонах региона составляла около 210 тысяч человек. Все гарнизоны Урала перешли на сторону революции и стали одной из самых активных ее сил.

К 5 марта все основные центры Урала выступили в поддержку революции. Только в самых отдаленных и глухих местах властям удавалось скрыть факт победы вооруженного восстания в Петербурге до 7-10 марта и даже позднее [1].

На Урале, как и в большинстве других регионов, в февральско – мартовские дни 1917 г. сторонники монархизма не сумели организовать серьезных массовых выступлений в защиту существующей власти. Причины такого поворота событий следует искать, на наш взгляд, в событиях, предшествовавших Февралю 1917 г. и, в первую очередь, в условиях и под воздействием Первой мировой войны, оказавшей значительное влияние на социально-экономическое и политическое положение Урала, эволюцию общественного сознания и психологию масс.

Вступление России в войну против германского империализма вызвало актуализацию традиционных ценностей в сознании народа. Ярким проявлением этого были массовые патриотические демонстрации, шествия с национальными флагами, портретами императора, церковными хоругвями. Такие демонстрации прошли во всех губернских и уездных городах Урала, во многих заводских поселках. Единение общества и власти нашло выражение в резком спаде рабочего движения: с августа по декабрь 1914 г. на Урале произошло всего 8 стачек. Сводки губернских жандармских управлений зафиксировали даже проявление «высокого патриотического подъема», прежде всего, среди рабочих казенных заводов, в частности Ижевских, Пермских пушечных и ряда других [2].

Как известно основным резервом пополнения армии стало крестьянство. К лету 1917 г. из четырех уральских губерний было мобилизовано более миллиона человек. В Оренбургской, Уфимской, наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении, мобилизованные составляли 47,5 % трудоспособного мужского населения [3]. Многие современники тех событий отмечали стихийный, «инстинктивный» характер крестьянского патриотизма, выражавшийся в готовности выполнить свой воинский долг. В свою очередь многие крестьяне, провожая членов своих семей на войну, не скрывали надежды на то, что Государь Император в награду за их службу Родине дарует им некоторые льготы и улучшение их положения. Но в чем именно должны выражаться эти льготы крестьяне и сами четко не представляли, полагаясь на обычную формулу решения социальных вопросов – по указу царя.

Уральский материал в целом подтверждает положение отечественной историографии о том, что волнения мобилизованных, имевшие место во время военных призывов, носили, как правило, не политический, антивоенный характер, а являлись своего рода реакцией на отмену ритуала «проводов на войну» в связи с введением в стране сухого закона [4]. Так в сводках Вятского ГЖУ за октябрь 1915 г. сообщалось, что «отношение населения к воинским призывам по мобилизации следует признать вполне нормальным, среди жителей встречается даже сознание необходимости таковых и лишь некоторое недовольство на этой почве вызывает полицейская стража». Аналогичную информацию содержали донесения ГЖУ и других губерний Урала [5].

Патриотический, религиозный подъем начала войны был неразрывно связан с подъемом монархических чувств и настроений. Фигура Николая II была консолидирующим символом в деле защиты родины. Сакраментальная формула «За веру, Царя и Отечество», принимаемая как своеобразный политический ритуал, была востребована ситуацией и определяла поведение массовых слоев уральского общества. Используя благоприятные факторы, местные власти всячески содействовали поддержанию в народе патриотических и

верноподданнических настроений. Местная печать постоянно уделяла внимание событиям на фронтах мировой войны, нуждам тыла, состоянию экономики края, ее перестройке на военные нужды, освещению деятельности правительства и общества по оказанию помощи семьям фронтовиков, запасных и инвалидов [6]. В практику входил и выпуск специальных листков «Извещения о ходе войны». Издававшиеся при Вятском губернском присутствии, они проникали в самые глухие деревни и селения, способствовали поднятию настроения крестьян и рабочих, их уверенности в конечной победе России [7].

С момента вступления страны в войну и до осени 1915 г. в массовом сознании и социальном поведении уральского общества доминировали элементы стабильности, покорности воле провидения (Богу), верноподданничества.

Наблюдалось оживление антигерманских настроений, как и в стране в целом. Эти лозунги поддерживала часть средней и мелкой буржуазии, страдавшая от конкуренции торговцев и ремесленников немецкого происхождения, а также часть рабочих, боявшихся конкуренции более дешевой рабочей силы.

Антигерманские настроения смыкались с патриотическими, и вырастали на их почве. Причинами их роста были представления о немецком и вообще иностранном экономическом засилье, вредительстве их внутри страны, а также данные о бесчеловечных методах ведения войны Германией, поступавшие с фронта с осени 1914 г. Кроме того, сосредоточение в регионе значительного числа запасных, среди которых было немало лиц немецкого и турецкого происхождений, создавало основания для дополнительной напряженности в отношениях с местным населением. Так, только в Оренбурге было размещено 16,8 тыс. человек, в Вятской губернии в октябре 1915 г. – свыше 10 тысяч человек, в том числе значительная их часть – в Вятке. По сведениям вятского губернского жандармского управления многие из них принадлежали к «состоятельному классу» и вели «широкий и разгульный образ жизни», диссонировавший с традиционным образом жизни провинции, особенно в условиях войны. На этой почве имели место столкновения с местным населением. Характерными были на Урале и увольнения лиц немецкой национальности с занимаемых должностей, распространение слухов о них как потенциальных шпионах. Так, под давлением общественного мнения управляющий Вятской губернией барон Тизенгаузен распорядился в ноябре 1915 г. выслать из Вятки и местностей, прилегавших полосой в 50 верст к линии железной дороги военнообязанных немецкой и турецкой национальностей [8]. В то же время, правительственные меры в отношении изъятия земель подданных враждебных государств не получили широкой поддержки уральского общества. Ощутимый экономический эффект они не могли принести вследствие малочисленности таковых в регионе. Кроме того, представители торгово-промышленных кругов увидели в них «новое

устремление казны в частное предпринимательство» и опасение за то, что меры принудительной продажи акций и предприятий, принадлежащих германским подданным, могут привести к более глубоким последствиям – оттоку капиталов из России, без чего они не мыслили послевоенное экономическое развитие страны [9].

Крупная буржуазия, владевшая частной промышленностью Урала, открыто поддержала внешнеполитический курс правительства. В 1914 – начале 1915 гг. ее делегаты приняли участие в ряде совещаний с представителями правительства о размещении на Урале военных заказов. Через Уральское заводское совещание, военно-промышленные комитеты уральская буржуазия стремилась не только содействовать правительству, но и использовать военные заказы в коммерческих и политических целях. Придерживаясь в целом идеи монархизма, представители буржуазии стремились упрочить свои позиции в органах власти и местного самоуправления, как на период войны, так и на последующее время.

Уральская национальная либеральная оппозиция выразила свое мнение в официальном заявлении одного из депутатов Государственной думы – прогрессиста К.Б. Тевкелева (Уфимская губ.). В заседании от 28 января 1915 г. при обсуждении росписи доходов на 1915 г. от имени мусульманской фракции он заявил о единодушной поддержке мусульманами внешней политики правительства России. Эта поддержка оценивалась им как «гражданский долг», основанием которого являлись «старые традиции», заключавшиеся в том, что «мусульмане сражались за Россию с ее врагами, всегда проливали кровь одинаково и наравне с русским населением». К.Б. Тевкелев также высказался в поддержку позиции либеральной фракции Думы и заявил о том, что члены мусульманской фракции откладывают вопросы о своих делах (религиозных и национальных) до окончания войны [10].

Партийная политическая деятельность в крае с началом войны, практически, замерла. Социал-демократические и эсеровские организации были повсеместно разгромлены. Либеральные союзы, приспособившись к условиям третьеиюньской политической системы, прекратили свою деятельность в основном к 1908 г. В 1915 – феврале 1917 годов выявлена деятельность только пяти организаций, общей численность около ста человек [11]. Действуя под флагом беспартийного «прогрессизма», они все же сумели сохранить за собой определенные позиции в земствах, разного рода общественных организациях: кооперативных, благотворительных, профессиональных, культурно-просветительных и иных.

Более многочисленными оставались консервативно-монархические организации края. В 1914 – феврале 1917 гг. действовало 35 их местных комитетов, объединявших около 6 – 7 тысяч членов и сочувствующих. Губернские отделы СРН и других родственных им организаций имелись во всех губернских городах, в ряде уездных, а так же некоторых

заводских поселках и в сельской местности. В то же время, по сравнению с периодом 1905-1907 годов численность их рядов сократилась почти в 1,5 раза. Причинами этого явились общие для правого движения в целом обстоятельства. К их числу относятся отсутствие очевидной для основной массы союзников политической причины к объединению в виду подавления революционного движения и победы блока монархических сил; усиление разногласий и амбиций в «стане победителей», негативно отразившееся и на периферийных отделах. Уральские право-монархические союзы также не были едины. Они представляли собой конгломерат трех основных партий: Союза русского народа (СРН), Русского народного союза Михаила Архангела (РНС) и сторонников Националистического общества, отношения между которыми носили характер не столько сотрудничества, сколько политического соперничества. Преобладавшие в их составе отделы СРН (преимущественно в Пермской и Уфимской губерниях) скептически относились к отделам, возникшим «для проведения более умеренных правых взглядов». Обновленцы воспринимались ими как «упраздненцы» и «изменники СРН», а Националистическое общество – как не имеющее поддержки народа, объединяющее в большинстве случаев «лиц с высшим образованием, если не получающих, то во всяком случае, готовящихся получить пенсию за известное количество лет службы по рангу». Орган правой независимой мысли «Пермяк» охарактеризовал их как «генералов без солдат» [12]. На сокращение численности правых союзов сказывалось и то обстоятельство, что и центральные и местные органы власти, озабоченные, прежде всего, нуждами военного времени, не могли уделять им столько внимания, сколько в предшествующий период. Кроме того, они явно опасались, что экстремистские действия правых могут способствовать разжиганию национализма, крайне опасного в условиях военного времени. Немаловажным фактом являлось и то обстоятельство, что местные правые организации прекращали свою деятельность из-за ухода своих активистов в армию или отходили от политической деятельности, переключаясь всецело на оказание посильной помощи нуждам армии и тыла.

Однако некоторое затишье партийной деятельности в условиях начавшейся войны быстро закончилось. Неудачи на фронтах весной 1915 г., нарастание продовольственной проблемы, перемещение в регион значительного числа военнопленных, беженцев и запасных; подъем стачечной борьбы рабочих в стране и крае, активизация либеральной оппозиции режиму, существенным образом повлияли на изменение экономической и политической ситуации, на настроение массовых слоев уральского общества. В этих условиях местные отделы политических партий вынуждены были на них реагировать.

Неудовлетворенность действиями правительства, не обеспечивающего систему традиционного жизнеобеспечения региона, в сочетании с нарастающей усталостью от

затянувшейся войны, вели к подрыву авторитета и самой верховной власти. Одним из проявлений этого стала тенденция нарастания «стихийного пораженчества», зарегистрированная в отчетах ГЖУ с конца 1915 г. Так, ротмистр Богданович (Вятское ГЖУ) сообщал в декабре 1915 года: «... среди крестьян стало замечаться желание скорейшего заключения мира, но это общество сами крестьяне объясняют не неудачами нашими на войне, а лишь отсутствием в семьях работников и надвигающимися заботами их о весенних полевых работах. В этой же связи мобилизация ратников государственного ополчения второго и первого разрядов, призыв студентов вузов в сентябре 1916 г. отразилась неблагоприятно на фоне общего патриотического настроения» [13].

Росло недоверие населения Урала и к местной власти, не проявлявшей, по их мнению, «решительно никаких мер борьбы с инстинктом личной наживы», усугублявшим и без того сложное положение на рынке товаров первой необходимости. В этих условиях население края стремилось находить их само, и активно вливалось в кооперативные организации и потребительские общества. В мае 1915 г. в Вятке и Оренбурге состоялись губернские кооперативные съезды, принявшие своей ближайшей задачей расширение деятельности преимущественно производительных кооперативов. Это решение было поддержано земскими уездными собраниями. В этот период времени в Вятской губернии насчитывалось 600 кооперативов (из них 450 кредитных товариществ), объединявших до 12 тысяч человек, в Пермской – 538. Сплочение населения в борьбе с дороговизной заметно усиливалось [14].

На почве нехватки продовольствия и введения государственного регулирования отношений между городом и деревней, возросли противоречия и между этими группами населения региона. Так, в рапорте Кунгурского уездного исправника Пермской губернии в январе 1917 г. отмечалось: «Среди крестьян уезда наблюдается пропаганда против сдачи хлеба на нужды армии, которую ведут главным образом уволенные в отпуск нижние чины и крупные владельцы хлеба среди крестьян. Распространяются слухи, что земство, отбирая хлеб у крестьян по твердой цене, перераспределяет его по повышенным ценам и снабжает им своих служащих (ямщиков и др.). Среди крестьян существует крайнее озлобление против тех лиц из крестьян, которые работают на оборонных заводах и зарабатывают крупные суммы и в то же время пользуются отсрочкой от призыва» [15].

Так под влиянием жестокой действительности войны, нарастания продовольственной проблемы и усиления социальной напряженности в обществе разрушалось традиционное сознание основной массы населения края – крестьянства. Оно освобождалось от господствовавших ранее патерналистских установок, не соответствовавших более действительности. Вместе с этим утрачивалась в их сознании и привлекательность монархии как формы государственной власти, девальвировался образ царя-батюшки – защитника,

покровителя, выразителя воли православного народа. Однако психоментальная основа отношения к верховной власти как высшей инстанции сохранялась, пока существовало традиционное крестьянство, архетип вождя, верховного правителя оставался органичной частью крестьянского сознания [16].

Глубокие изменения происходили в массовом сознании и психологии рабочего класса Урала. Промышленность края перестраивалась на нужды обороны, продолжалась техническая перестройка почти во всех крупных горнозаводских хозяйствах, начатая в период экономического подъема и сопровождавшаяся акционированием этих предприятий. К началу 1917 г. из 22-х действовавших частновладельческих горнозаводских округов Урала было акционировано 18. Владельцами основных предприятий стали русские коммерческие банки, которые к 1917 г. установили контроль над 16 из 18 акционерных обществ. Существенно изменился и состав владельцев акционированной горнозаводской промышленности Урала [17]. Крупные изменения произошли в составе рабочего класса. За годы войны с заводов Урала было мобилизовано 23,3 % рабочих и 43,7 % рабочих, занятых во вспомогательных отраслях, обеспечивавших заводы топливом и рудой [18]. Многие из них отдали свою жизнь за Родину. Вместо ушедших на фронт на все возроставшее производство военной продукции стали прибывать рабочие из Москва, Петрограда и других промышленных центров. Среди вновь прибывших было не мало сторонников леворадикальных партий [19]. Все это разрушало складывавшуюся веками систему патриархальных отношений.

Если расчет на кратковременную войну способствовал отказу от прежних социальных претензий и счетов к властям, хозяевам и другим представителям верхов, то затягивание войны с ее особым режимом напряжений и лишений вызывало нарастающую физическую и психологическую усталость, усиливало внимание к соблюдению сверхценностных установок справедливости, которые только и могли оправдать растущие жертвы и лишения [20]. В этой связи в регионе со второй половины 1915 г. наблюдалось оживление рабочего движения на экономической почве. Идея патриотического единения давала сбой. Борьба рабочих за повышение заработной платы как способ выживания в условиях дороговизны стала причиной роста и основным содержанием забастовочного движения в 1915 г. – начале 1917 г. Статистические данные свидетельствуют что реальная зарплата уральских рабочих упала к февралю 1917 г. на 50 %, что было на 15-20 % больше, чем у петроградских и московских рабочих [21]. К осени 1915 г. в их сознании приоритеты патриотизма и защиты Отечества стали отходить на второй план и стали рассматриваться политически активными рабочими как производные глубоких преобразований существующего строя. Для более широких слоев рабочих важными приоритетами становились проблемы экономического

выживания. Представления о своем гражданском долге полностью не вытеснялись, но связывались прежде всего с растущими экономическими требованиями, которые бы, в свою очередь, дали им силы для защиты Отечества и дальнейшей борьбы за свои права [22].

Углубление экономического и политического кризиса в условиях дальнейшего затягивания войны, грозило подрывом основным устоям Российского государства. Нараставшая опасность вызвала активизацию деятельности сторонников сохранения монархии, как в центре, так и на местах. Однако монархический лагерь не был един. Сторонники его консервативного и либерального направлений по-разному относились к принципу самодержавия и предлагали различные методы регулирования экономической и социально-политической жизни общества в условиях войны. Менялось и соотношение сил между ними.

Прошедшие глубокие сдвиги в экономике края, социальной структуре населения и нараставшие сложности с продовольственным обеспечением региона существенно сужали социальную базу право-монархических союзов. В 1915 – феврале 1917 гг. зафиксировано проявление деятельности только 11 отделов, численностью около 400 человек [23].

Уральские правые предпринимали меры, в первую очередь, к укреплению экономической основы деятельности своих организаций: созданию и поддержанию при них касс взаимопомощи, банков, потребительских лавок, проведению лотерей с целью использования полученной прибыли на организацию производственной деятельности членов союзов. Однако занять лидирующее положение в этой сфере им не удалось. [24].

Некоторое оживление деятельности уральских правых вызвали действия центрального руководства, предпринявшего в июне 1915 г. меры к объединению разрозненных союзов в более широкую организацию – Отечественный патриотический союз. В работе совещаний монархистов в Саратове (27-29 августа 1915 г.), в Петрограде (21-23 ноября 1915 г.) и Нижнем Новгороде (26-29 ноября 1915 г.) приняли участие представители и уральской правой периферии [25].

Однако реализовать намеченные на них цели было не просто. К этому времени на Урале закрылись и те немногочисленные печатные органы, через которые они могли проводить свою пропаганду¹. Публикация материалов о деятельности правых в либеральной и демократической печати края непременно имела острый критический тон. Так, газета «Оренбургское слово», освещая деятельность центральных монархических организаций, направленную на консолидацию разрозненных союзов и разногласия в их среде, резюмировала в статье с характерным названием «Погибшая совесть»: «Едва ли мы ошибемся, если скажем, что в основе этих протестов лежит сознание того, что предпринятая

---

¹ Только в Пермской губернии выходила газета «Голос долга» до декабря 1916 г.

против русской общественности «правая кампания» есть глубоко антипатриотическое дело... Ибо совершенно очевидно, что нельзя вести страну к победе, в то же время, ведя внутри борьбу против всех ее живых сил, против всех проявлений общественного мнения и общественной самодеятельности». Статья «Борьба монархистов со смутой», в той же газете, вышла с большим пробелом. В опубликованной части были изложены отдельные положения «Обращения к местным властям», составленное по поручению саратовского съезда монархистов председателем Астраханской народной монархической партии Н.Н. Тихановичем-Савицким. В нем выражалась просьба к губернским властям о поддержке правых союзов в организации содействия населению в удовлетворении их нужд и жалоб, «с тем, чтобы этим поднять значение этих организаций в глазах народа». Остальные пункты «Обращения...», касавшиеся поддержки действий правых в распространении своих партийных документов, литературы, листовок и т.д. среди местного населения; нравственной поддержки их открытых выступлений в органах местного самоуправления, общественных организациях и, наконец, предоставление возможности вооружиться и в случае повторения мятежа подобно 1905 г. организовать народное «противодействие бунтовщикам», не нашли отражение в статье. Не допущенные цензурой, они были вырезаны [26].

Этот факт в сопоставлении с вышеупомянутыми, позволяет предположить, что губернские власти реально опасались усиления накала политических страстей в регионе, с одной стороны, а с другой - уже не могли рассматривать консервативно-монархические союзы в качестве своей опоры для решения вопросов хозяйственно-экономического и социально-политического характера ввиду их слабости и распыленности, упавшей популярности в обществе.

И все же монархические настроения в уральском обществе не были разрушены безоговорочно, о чем свидетельствуют многие факты: крестные ходы, посылки верноподданических телеграмм, «патриотические демонстрации» (хотя они уже не имели былого размаха и влияния на общество), денежные пожертвования на нужды армии на сооружение и содержание памятников в честь представителей правящей династии. Так, в октябре 1915 г. Яранское земское собрание Вятской губернии приняло решение о выделении 500 руб. на строительство памятника Царю-освободителю в Яранске. Подобные решения были приняты и многими волостными сходами уезда [27].

В то же время, активизация деятельности правых на фоне нараставшего конфликта между верховной властью и представительным учреждением, при отсутствии поиска компромисса в высших эшелонах власти, диссонировала с общим настроением общества. Она выглядела скорее как попытка к сплочению народных масс вокруг царя, и противопоставления их всем, кто поддерживал действия либеральной оппозиции [28]. На

периферии это противопоставление выглядело еще более резко, так как «законопослушность» правых шла вразрез с растущим недовольством населения действиями не только центральной, но и местных властей.

Население губерний Урала ожидало от правительства восстановления налаженных веками гражданских экономических отношений, урегулирование цен на предметы первой необходимости, поддержания порядка. Однако частые смены правительства, неизбежно влекшие за собой и постоянную смену программ, предубаждений и распоряжений, дезорганизовывали власть на местах. Зачастую она не знала, что делать, теряла личную инициативу или в большинстве случаев бездействовала [29].

В этих условиях естественной стала активизация либерального оппозиционного движения в стране и в регионе, уступившая место «священному единению» начала войны.

Документы департамента полиции за 1915-1916 годы свидетельствуют об оживлении партийной работы уральских кадетских комитетов, об укреплении связи их с Центральным комитетом и думской фракцией [30]. Осознавая малочисленность своих рядов, они предпринимали меры к расширению связей с общественностью. Большое значение в этой связи имела поддержка со стороны членов ЦК партии кадетов. Так, в конце мая 1915 г. в Уфу приезжал А.И. Шингарев. Когда по его просьбе пытались созвать местную кадетскую группу, собралось пять человек. Тогда решили созвать непартийное совещание и явилось 70 человек (среди них были лица и правее, и левее кадетов). «Оказалось, – говорил Шингарев, – что в то время, как местная партийная организация была мертва, вне ее нашлось много живых людей, откликнувшихся на нужды момента» [31].

Дальнейшему усилению позиций либерализма в монархическом движении края содействовала работа губернских и уездных отделов земских и городских организаций, отделов ВПК, в которых ряд ключевых позиций принадлежали в прошлом известным кадетам. Так, Стерлитамакский уездный отдел ВПК возглавлял Л. Юмашев, рабочий отдел Уральского областного ВПК – Л. Кроль. Следует отметить, что союзные организации земств и городов играли на Урале заметную роль. Это определялось наличием здесь целой сети госпитальных учреждений, а также значительными поставками для нужд армии фуража и предметов обмундирования.

Более оживленной становилась внедумская пропагандистская работа уральских депутатов-либералов. Так, в октябре 1915 г. с докладом о вопросах войны, работы Всероссийских Земского и Городского союзов, отношении местного общества к их работе и работе местных земств выступил перед многочисленной публикой г. Верхнеуральска оренбургский депутат-прогрессист М.И. Гродзицкий. В своем сообщении он подчеркнул, что «успех работы земств зависит от деятельного участия местного общества в форме полезного

сотрудничества и контроля» и призвал присутствующих активизировать свое участие в ней [32].

Усиление позиции либералов в уральских земствах и органах местного самоуправления нашло отражение в донесениях губернских жандармских управлений. Наибольшие опасения с их стороны представляли Уфимская, Оренбургская и Пермская губернии. Уфимская губерния была отнесена к одному из «вернейших оплотов левых общественных элементов», где земство «почти всецело в их руках». Лидерами оппозиционного движения называли присяжного поверенного Н.П. Быховского, редактора газеты «Уфимский вестник», дворянина П.П. Толстого и уфимского городского голову, придерживавшихся кадетских взглядов [33]. В Оренбургской губернии правительство не видело тех «прочных элементов, на которые могло бы опереться». Это обосновывалось малочисленным и «малодеятельным» местным дворянством, усилением позиции кадетов в земстве. Особо выделялись Челябинский и Троицкий уезды. Здесь по данным полиции имел место «ясный отпечаток сибирского радикального духа». Существовавшие здесь группы кадетского направления активизировали свою деятельность еще до войны, используя в этих целях различные легальные организации – кооперативные общества, профессиональные союзы, переселенческую организацию и другие [34].

Одним из самых левых в империи было Пермское губернское земство. Здесь центром притяжения стал Екатеринбургский комитет, в состав которого входили известные в прошлом кадеты: председатель местного биржевого комитета Иванов, инженер-технолог Кроль, присяжные поверенные Магницкий, Веселов и др. Комитет упрочил свои позиции в ВПК, в местной организации помощи семьям призванных на войну, в страховых обществах и ряде других, дававших возможность влияния на результаты выборов в органы местного самоуправления, на формирование общественного мнения не только г. Екатеринбурга, но и в целом Зауралья. Здесь в наибольшей мере получила распространение идея автономии местной власти. Выраженная ими политическая формула гласила: «Мы вольный г. Гамбург, мы власть уважаем, встречаем и провожаем, но в свои дела не допускаем Мы сами себе хозяева». Сильные позиции либералов отмечались в земствах и торгово-промышленных кругах в Вятской губернии [35].

Преобладание либеральных настроений в земствах и органах местного самоуправления ярко продемонстрировала широко развернувшаяся в регионе кампания по поддержке программы и требований Прогрессивного блока, решений Московской городской думы, съезда Всероссийского Земского союза. Так, в газете «Оренбургское слово» от 25 августа 1915 года появилась статья с громким названием – «Новая эра». В ней было выражено мнение в поддержку решения Московской городской думы, присоединившейся к

требованиям Прогрессивного блока. Кроме того, сообщалось о решении Оренбургской городской думы, которая в чрезвычайном заседании от 23 августа 1915 года присоединила свой голос к «голосу собирательницы земли русской» и направила телеграмму на имя монарха. В ней говорилось, что создание правительства, пользующегося доверием страны, является «единодушным желанием страны и всего русского народа во имя спасения Родины» [36].

Последовавший досрочный роспуск Государственной думы 3 сентября 1915 г. и перерыв в ее работе вызвали критическую реакцию со стороны либеральной интеллигенции края, части рабочих, казачества, средних слоев городского населения, которые связывали с Думой возможность решения наболевших вопросов и, в первую очередь, продовольственного. Интерес к работе Думы проявляло и мусульманское население края. Хотя они и не были довольны избирательным законом от 3 июня, в то же время, благожелательно относились к организации особого совещательного бюро при мусульманской фракции Государственной думы, призванной поддерживать постоянную связь между думской фракцией и местным населением. Оренбургское мусульманское общество дало указание своему представителю в бюро действовать в вопросах национальных, религиозных и политических по программе Союза ислама [37]. Нежелание верховной власти идти на компромисс с прогрессивным большинством Государственной думы и Государственного совета шло вразрез с настроениями лояльности монархическому режиму со стороны мусульманского населения края [38].

С конца 1915 г. оппозиционный тон уральского земства усилился. Выражая солидарность с позицией Земского и Городского съездов, большинство из них открыто высказалось в поддержку требований Прогрессивного блока и общеземских организаций о замене настоящего правительства «правительством, пользующимся доверием страны». Вятское губернское земство оказалось еще более радикальным, считая необходимым поставить его «в положение ответственного перед народным представительством» [39].

Критическое отношение к центральной власти значительно возросло к концу 1916 г. в связи с обострившимся до крайности продовольственным вопросом и усталостью масс от тяжелой и затянувшейся войны. Недовольство масс на экономической почве под воздействием субъективных факторов переносилось в политическую сферу. Вслед за земствами политические резолюции при обсуждении продовольственных проблем, стали принимать и другие общественные организации. На состоявшемся в ноябре 1915 г. совещании кооператоров в г. Перми была принята резолюция, говорившая о необходимости широкого участия «общественных сил» во всех органах управления, установления общественного контроля над синдикатами, транспортом, фабрично-заводскими

предприятиями. В этой связи выдвигалось требование о разработке и принятии нового Положения о земских и городских учреждениях, которые бы открыли широкий доступ в них городскому и сельскому населению. Об агитации «в духе Московского съезда городов» в Северо-Восточном союзе потребительских обществ отмечалось в донесении Пермского ГЖУ [40].

Обсуждение политических проблем стало постоянным в работе уральских отделов ВПК. О настроениях в них можно судить по резолюции, принятой 22 октября 1915 г. Пермским ВПК. Отмечая непродуктивность работы ВПК, она констатировала. Что происходит это по вине ведомств, правительства и вообще вследствие существующей политической обстановки, не дающей возможности «проявить патриотизм на деле». Полиция предпринимала меры к прекращению обсуждений политических резолюций, вынесенных на декабрьских совещаниях представителей общественных организаций и ВПК 1916 года в уральских комитетах этих организаций, однако эти меры не имели эффекта [41]. Либеральная оппозиция режиму становилась все более решительной. Действия центральных организаций активизировали их местные комитеты.

Голод, разруха, недовольство тяготами затянувшейся войны толкали народные массы на борьбу за свои права. Лозунги и действия правых монархистов не отвечали их чаяниям. Не были популярны среди народа и лидеры правого движения. Однако и требования либерального крыла монархического движения нашли поддержку преимущественно в земских кругах и в средних, слоях городского населения. В условиях войны все большую симпатию уральского общества получали радикальные требования демократических партий. Это нашло отражение и в росте численности их рядов. В конце 1916 начале 1917 гг. по данным газеты «Пролетарский голос» на Урале насчитывалось около 900 социал-демократов [42]. Социал-демократам и социал-революционерам удалось значительно укрепить свои позиции в легальных рабочих организациях – кооперативах, профсоюзах и других, расширить свое влияние на рабочие массы и демократические слои городского населения. Социально-психологический кризис доверия масс по отношению к правительству, правящей династии и имущим «верхам», действия которых не соответствовали их представлениям о надлежащих моделях поведения в условиях войны, создавали благоприятную почву для поддержки леворадикальных лозунгов [43].

Эти обстоятельства способствовали усилению радикальных настроений и в либеральной кадетской среде. Достаточно наглядно они отразились в переписке уральских кадетов с членами думской фракции и «заграничными» коллегами по партии. В характеристике переживаемого момента в них подчеркивалось громадное влияние войны на развитие современной истории и судьбы России. Отмечалось изменение в отношении к ней

со стороны русского общества – от осуждения, до широкого «сочувствия к ней». Это связывалось с тем, что «в конечном результате войны русское общество надеется получить осуществление своих заветных желаний, т.е. полного обновления в стране государственного строя». Такому настроению, по мнению автора, «сильно способствовало то, что война заставила правительство призвать себе на помощь все русское общество и сейчас же поманить его весьма существенными уступками». Вместе с тем, исходя из опыта прошлого, в них выражалось сомнение относительно того, что «серьезные в духе освободительного движения реформы» могут быть даны сверху, тем более, что правительственный курс остался старый: «десять лет прошло с периода революции 1905 года, и в этот промежуток времени нам не один раз обещали эти реформы, а на самом деле понемногу отбирали и те немногие вольности, которые были добыты». Характеризуя ситуацию в стране, автор письма резюмировал: «...нет, в реформы сверху пора перестать верить, даром их никогда не дадут».

Не отрицая необходимости объединения усилий всего общества для защиты Родины, он высказывал предположение о том, что «как только общая для всех беда будет устранена, – борьба между отдельными политическими партиями закипит опять и, быть может, с еще большей, чем прежде силой, а правительство опять начнет свою линию». В этой связи высказывалось мнение о необходимости «быть на стороже» и не упустить шанс на проведение «полного обновления в стране государственного строя и окончательного закрепления нового порядка», которые сзывались с «полным крушением националистической политики..., травли инородцев,...крупным падением влияния истиннорусских «патриотов»..., признанием автономии Польши ..., равноправия евреев... и осуществлением идеи народоправия». Шансом реализовать их выдвигались факты «существенного изменения сознательности трудящихся масс» и «накопление ими боевой энергии» [44].

Однако надежды либералов на возможность направить грядущую революцию в «конституционное русло» были призрачными. Глубокий раскол в рядах монархического движения, резкая критика, доходящая до взаимных оскорблений, не способствовали росту популярности их в глазах широкой общественности. Идея доведения войны до победного конца мало отвечала насущным проблемам трудящихся. Недовольство в обществе стремительно усиливалось. Росло ощущение того, что виновником всех бед и неудач является монархический режим. Широкое распространение получила критика в адрес монарха и его ближайшего окружения. Дискредитация царя облегчала борьбу с режимом, но в то же время создавала дополнительные психологические условия для его свержения. В этой ситуации симпатии масс склонялись в сторону тех политических сил, которые

выдвигали лозунг свержения самодержавия и осуществления глубоких революционных перемен.

Таким образом, в монархическом движении на Урале накануне февраля 1917 г. наблюдался глубокий идейный и организационный кризис, который проявился в фактическом разрушении организационных структур политических партий монархической ориентации, в углублении идейных разногласий и поляризации сил. Сторонники консервативного крыла связывали выход из кризиса с укреплением самодержавной власти, усилением государственного начала в регулировании экономической и общественно-политической жизнью общества, введением на время войны чрезвычайных мер охраны порядка. Однако эти требования не имели широкой поддержки в обществе, да и в рядах правых не все разделяли такие меры. Переход националистов и части умеренных правых на сторону оппозиционного Прогрессивного блока означал окончательное поражение правого движения, оказавшегося в политической изоляции.

Война вызвала активизацию деятельности уральских либералов, воссоздание партийных структур. Но в силу слабости либерализма как политической силы, отсутствия поддержки масс, они не могли существенным образом повлиять на внутривнутриполитический курс правительства и местных властей. Призрачность надежд на достижение компромисса с властью усиливала рост радикальных настроений в этой среде. Действия сторонников либерального крыла, направленные на оказание «давления» на правительство, с целью изменения приемов и методов управления страной и обществом, фактически сливались с общим потоком революционной борьбы, ослабляя тем самым основы монархической системы.

Революционная волна захлестнула и значительную часть армии и казачества, составлявших военную силу самодержавия. Не сумев предотвратить вспышку новой революции, либералы пытались овладеть ею и ограничить рамками конституционной монархии, но это им не удалось. Монархическое движение на Урале в феврале 1917 года, как и в стране в целом, потерпело поражение.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 02-01-00500 а/Т.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. История Урала в период капитализма. М., 1990, С. 368-369; История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 167.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17.Л. 1.
3. История Урала... С. 358.

4. Кирьянов Ю.И. Правые партии России. 1911-1917 гг. М., 2001. С. 216.
5. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914-март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 111-112.
5. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 1, 2 об., 7, 15, 17.
6. Уральская жизнь. 1914, 19 дек.; Вятская речь. 1915, 9 янв., Уфимская жизнь. 1916, 6 апр.
7. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 1.
8. Там же. Д. 167. Ч. 17. Л. 1, 7 об; История Оренбуржья ... С. 163.
9. Флоринский М.В. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. М., 1988. С. 83.
10. Государственная дума. Стенографические отчеты. IV созыв. Сесс. 3. СПб., 1915. С. 34-35.
11. Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале (1905 -февраль 1917 гг.). Челябинск, 2000. С. 114.
12. Пермь. 1914, 11 марта.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 10, 19, 23.
14. Там же. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 3, 3 об, 7 об., 13 об., 19; Д. 167. Ч. 53. Л. 5 об-6; Д. 167. Ч. 86. Л. 27 об.; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78.
15. ГАПО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 334. Л. 11.
16. Поршнева О.С. Указ соч. С. 139, 141.
17. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982. С. 216.
18. История Урала ... С. 355.
19. Ижевско-Воткинское восстание. 1918. М., 2000. С. 88-89.
20. Поршнева О.С. Указ соч. С. 176.
21. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 22; История Урала ... С. 213.
22. Поршнева О.С. Указ. Соч. С. 197-198, 202, 213.
23. Сидоренко Н.С. Указ.соч. С. 138.
24. Пермь. 1913, 10 дек.; 1914, 17 марта.
25. Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911-1917 гг. М., 1998. С. 486, 496.
26. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 244. Л. 9-9об.; Оренбургское слово. 1915, 8 ноябр, 10 дек.; Правые партии. Документы ... С. 457-459. 28.
27. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78; Северное слово, 1915, 13 окт.
28. См. Уортман Р. Николай II и образ самодержавия // Реформы или революция?: Россия, 1861-1917 гг. Материалы международного коллоквиума историков. СПб., 1992. С. 25.
29. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 20. Ч. 56. Л. 27 об.
30. Там же. Д. 244. Т. 1. Л. 208, 220.

31. Аврех А.Я. Распад третьей июньской системы. М., 1986. С. 209.
32. Оренбургское дело 1915, 9 окт.
33. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 103 об.; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 86. Л. 29.
34. Сидоренко Н.С. Указ соч. С. 127.
35. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 20. Ч. 56. Л. 3; Д. 167. Ч. 17. Л. 3-3 об., 4.
36. Там же. Л. 4; Д. 167. Ч. 53. Л. 2 об.; Оренбургское слово. 1915, 25 авг.
37. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 7, 10 об., 14; Д. 167. Ч. 53. Л. 5,7.
38. РГИА. Ф. 776. Оп. 33. Д. 280. Л. 1-2.
39. ГАРФ. Д. 167. Ч. 17. Л. 14; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78 об., 103.
40. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об-80.
41. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86. л. Б. Л. 4 об; РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 79 об.
42. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: политические объединения на Урале до 1917 г. Челябинск, 1995. С. 89.
43. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 64. Л. 78 об.
44. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 27. Ч. 86. Б. Л. 1, 4-6.